

Цзян Жань мысленно ругала себя, так и норовила дать себе пощёчину. Она сидела на коленях на краю кровати, закутавшись в полотенце. Показалось мало — натянула на себя одеяло. Резкое движение задело рану на бедре, и она невольно вскрикнула от боли.

Ци Лянь тревожно повернулась в её сторону — хоть и не видела ничего. Но под этим тёмным, незрячим взглядом, особенно сейчас, когда её маленький секрет оказался раскрыт, Цзян Жань готова была провалиться сквозь землю от стыда.

Она уставилась на Ци Лянь, потом перевела взгляд на пол. Вот бы сейчас полу развернуться и поглотить её!

— Ты...

— Замолчи! — Ци Лянь только попыталась заговорить, как Цзян Жань вскричала, зажав уши ладонями. Ци Лянь сдалась. Она выждала, но каждый раз, когда пыталась начать разговор, Цзян Жань её перебивала. Было ясно: та твёрдо решила избегать этой темы. Ци Лянь больше не настаивала и собралась уйти, чтобы не держать подругу в напряжении.

У выхода из спальни она задержалась. Вспомнилось, как Цзян Жань дразнила её тем игривым тоном, а потом как «взъерошилась» после случившегося. В уголках губ непроизвольно дрогнула улыбка. Ци Лянь не стала спешить и, облокотившись о косяк, сказала:

— Ты права. Мы квиты.

Ответом ей стала подушка, прилетевшая в голову.

Ци Лянь могла бы легко уклониться, но не стала. Подушка угодила точно в цель, отчего её хрупкая фигура дрогнула. Глядя из спальни на эту сцену, Цзян Жань, хоть и понимала, что та специально поддаётся, почувствовала лёгкое удовлетворение.

Лишь спустя долгое время после ухода Ци Лянь Цзян Жань закончила обрабатывать рану и переделась. Она всё ещё ломала голову, как теперь смотреть в глаза подруге, как та получила сообщение и внезапно собралась уходить. Цзян Жань не стала расспрашивать, но Ци Лянь сама обмолвилась:

— У моей матери скоро шестидесятилетие. — Вскоре за ней действительно приехали и увезли.

Цзян Жань наконец смогла полностью расслабиться.

Она осталась дома: то читала, то изучала новые ингредиенты. Но мысли вновь и вновь возвращались к Ци Лянь.

Её руки были такими холодными, словно лёд. Но почему же тогда на коже, к которой она прикоснулась, осталось лёгкое, согревающее пятно? Цзян Жань долго размышляла, потом провела ладонью по животу, приказывая себе остановиться.

Она в общих чертах понимала причину этих ощущений. И именно поэтому боялась копать глубже.

Между ней и Ци Лянь существовала черта, которую ей не стоило переступать.

«Помнишь, что она сказала при первой встрече?» — прошептала Цзян Жань сама себе, и в её глазах мелькнула грусть.

— Ваше Высочество, куда изволите направиться? — спросил слуга, когда Ци Лянь поднялась на борт летающего диска. Та, глядя в иллюминатор, на мгновение задумалась, затем ответила:

— Просто покружим над городом. Куда угодно, два часа.

— Слушаюсь.

— И летите неспеша. Через два часа — назад, в квартиру. — С этими словами Ци Лянь надела наушники.

Были ли у неё сегодня дела? Никаких. Просто если бы она осталась, Цзян Жань, пожалуй, так и не вышла бы из комнаты.

Летающий диск мягко подпрыгнул и взмыл в воздух. Кругом высились небоскрёбы, касающиеся облаков — неотъемлемые модули современного мегаполиса, выстроенные в стройные ряды, отчего пейзаж обретал упорядоченную красоту.

Водитель любовался видом, но в душе недоумевал.

Её Высочество ведь ничего не видит. Зачем же тогда кружить над городом, словно на экскурсии?

Дав Цзян Жань время прийти в себя, Ци Лянь вернулась домой, ожидая застать её успокоившейся. Однако дома никого не оказалось.

Цзян Жань ушла.

Осознав, что в её сердце проросло нечто новое и тревожное, Цзян Жань пребывала в смятении. Долгие раздумья дома, попытки убедить себя вырвать этот росток — ничто не помогало, тревога не отпускала. Надев маску, она вышла на улицу, чтобы развеяться.

Извилистые улицы, зелень, поток машин, аккуратные витрины, толпы людей.

Если вдуматься, это был её первый настоящий выход в город с тех пор, как она очутилась в этой эпохе.

Бродя без цели по торговому центру у дома, разглядывая магазины, которые не так уж сильно отличались от тех, что были в двадцать первом веке, Цзян Жань вдруг поймала себя на этой мысли.

Сначала, только попав сюда, она ничего не знала об этом мире и боялась выдать себя, поэтому не выходила. Потом, впитав воспоминания прежней хозяйки тела и смирившись с новой жизнью, она обнаружила, что Всемирная сеть удовлетворяет все её потребности, и необходимость выходить отпала. Да и после замужества с Ци Лянь она стала наполовину публичной фигурой, и прогулки по улицам усложнились. Каждый день — из дома в институт и обратно. Так и вышло, что на улицу она выбралась только сейчас.

Даже в космическую эру торговые кварталы оставались оживлёнными. Толпы народа, парочки, взрослые с детьми, прохожие с покупками, уличные торговцы с забавными безделушками. Один раз мимо прошёл клоун и сунул ей в руки воздушный шар.

Огромный, в форме сердца.

Раньше Цзян Жань не обращала внимания на такие вещи, но на этот раз почему-то приняла

подарок. Прошла с ним некоторое расстояние, и вдруг нитка неожиданно оборвалась. Сделав несколько шагов, она это заметила, замерла на площади и подняла голову, провожая глазами уплывающий в небо розовый шар. На её лице застыло сначала недоумение, а затем — тоска.

«Вот видишь, — словно говорило небо. — Не удержать».

Такую, как Ци Лянь, ей всё равно не удержать.

Время словно остановилось. Цзян Жань стояла под солнцем, но от неё веяло такой мрачной печалью, будто она отбрасывала собственную тень. Она ещё немного постояла, глядя вверх, затем сделала несколько шагов и бросила остаток нитки перед роботом-уборщиком.

Нитка мгновенно исчезла в его недрах, будто её и не было — совсем как тот шар, уже растворившийся в небе.

Её поза, взгляд, устремлённый ввысь, — всё это тайком запечатлел фотограф с другой стороны площади.

Вообще-то, маска на лице делала её не лучшим объектом для съёмки. Но та сцена была настолько выразительной, что он не мог удержаться и сделал кадр за кадром.

Вчерашний дождь сменился ясным днём. Под ослепительным солнцем высокая девушка смотрела в небо, а вокруг неё витала густая, почти осязаемая тоска — будто ангел, только что низвергнутый с небес.

Большая часть лица была скрыта, видны только глаза. Серо-карие, на солнце они отливали золотом. Казалось бы, такие глаза должны сиять в этом свете, но сейчас в них не было ни искорки — только мрак и глубокая печаль. О чём же она думала?

Удачно поймав кадр, фотограф Цю Сю восхищённо ахнула. Ей захотелось подойти и получить разрешение на публикацию, но сначала — успеть сделать ещё пару снимков. Однако, когда она снова навела объектив, то ощутила совершенно иную атмосферу.

Девушка почему-то перестала грустить. Улыбки на лице не появилось, но и прежней тоски тоже не было. Теперь её глаза словно вобрали в себя солнечный свет, и смотреть на них было почти больно.

Это было совершенно непохоже на предыдущее состояние. Цю Сю замерла, глядя в видоискатель на девушку, которая казалась воплощением самого солнца.

Когда она наконец опомнилась и осознала ценность кадра, девушка исчезла. Цю Сю запаниковала — без согласия модели снимки опубликовать нельзя. Она уже собралась броситься на поиски, как вдруг перед ней возник мужчина.

— Мисс, можно взглянуть на вашу камеру?

Перед ней стоял человек самого заурядного вида, тот, кого она никогда бы не сняла. Цю Сю насторожилась и крепче сжала камеру.

— Что вам нужно?

— Вопрос не в том, что нужно мне, — вежливо, но твёрдо произнёс мужчина. — А в том, что сделали вы. Простите, но фотографии моей госпожи не должны попасть в чужие руки.

<http://bllate.org/book/15936/1424487>